

Александра Истомина

*Остров
Изгнания*

Александра Истомина Остров Изгнания

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18151501
ISBN 9785447461270*

Аннотация

Максим, будущий ученый, пытаясь исправить совершенную им ошибку, собирается отправиться в прошлое, чтобы успеть собрать материал для написания своей Главной Работы и заслужить Высшую Грамоту. Ему чудом удается разыскать таймеров – людей, родившихся в результате ошибки генетического программирования. Государство считает таймеров опасными преступниками, ведь они умеют подчинять себе время, и Максим, обращаясь к ним за помощью, сам становится вне закона...

Остров Изгнания

Александра Истомина

Однажды ты сказал мне: «Мы всегда знали друг друга! Даже в других, прошлых мирах я находил тебя, воевал за тебя, и ты была моей! А это значит, мы навсегда вместе». А это значит, что я не боюсь тебя потерять. А это значит, что я не боюсь перестать быть в этом Мире. Потому что и в другом, будущем, ты найдёшь меня. А это значит, что расставания для нас не существуют!

© Александра Истомина, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ему снилось – шёл дождь. Дождь заливал лицо, и он никак не мог разглядеть, кто стоит рядом с ним и протягивает ему руку. Он снился часто в последнее время, этот сон, и в нём почему-то было хорошо, и просыпаться совсем не хотелось. Но...

Максим сел на кровати и потёр глаза. Действительность тут же явилась ему из открытых окон неприветливым пасмурным утром. Он встал и вышел на террасу. Небо было низким и тёмным. И очень напоминало возмездие, каким Максим его себе представлял. Тяжёлое, нависающее всей своей грузной плотью, жаждущее накрыть его, не оставляя ни малейшего шанса скрыться, уйти, избежать. Как же так вышло?

На вопрос отвечать не хотелось. Хотя ответ был ему известен. Он лениво ворочался где-то внутри, и казалось, старался вытеснить собой всё, что было Максимом. Когда же пойдёт дождь?.. Максим знал, что легче от этого не станет, но всё-таки... Смотреть на такое небо было невыносимо. Он понимал, что сам во всём виноват и казался себе нелепым, и тоска сжимала сердце, и он удивлялся: как он мог не подумать заранее? Но он не подумал. А дождя всё нет...

Родители приехали вчера. Его чудесные родители, представители Патриархальной ветви Нового Века – как любовно они создавали своего сына, выбирали даже оттенок кожи... Мама любит об этом рассказывать. И всегда при этом смеётся! Максим снова вспомнил, как они смотрели на него, и от этого стало ещё хуже. Лучше бы они кричали и называли его идиотом, но они только смотрели. Как это небо сейчас смотрит на него и никуда не деться. В памяти у Максима возникли слова отца – единственное, что он сказал: «Теперь у нас нет выхода, сын». Теперь нет выхода... Ну, когда же, всё-таки, дождь?!

Максим вернулся в дом, умылся, прошёл в кухню и сел за стол. Просто так. Есть совсем не хотелось. Он снова взглянул в окно. Тучи грозились выдавить стекло и обрушиться на Максима мельчайшими, как пыль, осколками. Как странно начинается лето... Всё время тучи, тучи... Прошлом лето, оно было совсем иным. Максим вдруг ощутил себя в том самом лете. Раннее и удивительно жаркое, оно было прекрас-

но. Прекрасно не только жгучим, яростным ветром, внезапными ливнями и влажной землёй, не только пятнами солнца под затихшим кустом сирени и густым запахом созревающей земляники... Тем летом она подошла к нему и заговорила, и Максим подумал, что счастлив. Майя. Очень красивая Майя. Темноволосая, тонкая и чёткая как графическая линия. Её родители были историками-художниками и придумали ей разные глаза. Один зелёный, другой голубой. Эти художники, они любят, чтобы не как у всех... «Такая дисгармония неприлична!» – сокрушалась его воспитанная, ласковая мама. Все так думали. Только не Максим. Майя казалась ему существом за гранью реальности, вызовом, протестом всему сущему, такому правильному и разумному, такому опытному и осторожному. Никогда не смотрела она в сторону Максима. А тем летом посмотрела. Она взглянула в самое сердце его своими сумасшедшими глазами и произнесла вполне буднично: «Будем дублёрами?» Как будто всегда говорила с ним. Как будто не было на свете ни одной, самой ничтожной темы, которую бы они не обсудили! Тогда небо стало для Максима большим и доступным, тем летом. Ему казалось, что стоит только поднять руку, и тут же, облака, и снующие стрижи, и само солнце доверчиво опустятся к нему на ладонь...

Почему? Почему не начинается дождь?!

Тогда шёл три тысячи триста тридцать пятый год Нового Века, и через тринадцать месяцев Максим должен был

получить Высшую Грамоту. Вокруг были порядок и здоровье. Порядок и Здоровье – главные постулаты Нового Века, его заслуга, его выстраданное счастье. Земля давно отдыхала от своей беды, от того лютого времени, когда человечество было на грани своего исчезновения. И не с той стороны пришла та беда, с какой её можно было ожидать. Люди боялись войны. Каждый, даже самый крошечный клочок суши был чьей-либо страной, границы истово охранялись, и какого только оружия не находилось в распоряжении человека. Когда бомбой, величиной с горошину, можно сокрушить материк, природные ресурсы на исходе и каждое государство алчно смотрит в сторону соседа, напряжённо выглядывая его преимущества и свою выгоду – жди беды! И она пришла. Но не такая. И не так. В то время, когда все ждали кровавых боёв за каждое природное месторождение, за каждое плодоносящее поле, простая, сердечная, добрая женщина принесла в свой дом мальчика с улицы. Их было много этих мальчиков. И девочек, и женщин. И мужчин. Стариков и старух. Они давно лишились своих домов. Кого обманули, а кто сам ушёл, желая свободы и независимости, а может, устав от ответственности. Реальность... Почему она всегда обрушивается, как плохо построенный дом, не давая возможности предположить, предвосхитить, подготовиться... Они голодали. Им было холодно. Им нечего было носить. Бомжи...

Такого мальчика без дома и одежды, с жестоким, разрывающим шуплую грудную клетку, кашлем принесла она в свой

дом с улицы. Простая, сердечная, очень, очень добрая женщина... Она его пожалела. Она не могла просто так смотреть. Она приняла его, лечила его кашель и любила как всех своих детей. Он был одинок, этот мальчик. И он её полюбил. Словно она и в самом деле была его матерью. Он не увидел, как она умерла. Судьба всё же подарила ему одну единственную свою милость. Он умер первым. Это была не простуда, а вирус, неизвестный науке, новорожденный и крепкий, как зубы хищника. Новая чума. Стремительный, мутирующий, неуловимый для любых лекарств, самых сильных антибиотиков, он уничтожал районы, города, страны. Мир охватила паника. Были позабыты оружие, политика. Учёные хватались за любую возможность победить врага, для которого их маленькие сверхбомбы ничегошеньки не значили. Выжившие были слабы, теряли способность видеть, слышать, ходить. Женщины стали производить на свет уродцев, только отдалённо напоминавших людей. Тьма... Реальность... Ну почему она всегда обрушивается, как плохо построенный дом?

Максим всё знал об этом. Он готовился стать историком-библиографом. На факультете целый семестр посвящён этой печальной главе истории цивилизации. Знал он и о том, что помогло выжить. Не просто выжить. Восстать из пепла, прорасти сквозь толщу скал, сквозь гранит, сквозь алмаз, славящийся своей прочностью. Начаться заново. С точки. С нуля. Нашёл человек. Генетик. Он сказал: «Не всё потеряно!» Он определил ген, который позволил некото-

рым остаться в живых, и запретил людям размножаться как прежде, так, как они размножались веками. Он всё изменил, сам принцип человеческого существования стал иным. Генетик победил вирус, лишив его пищи. Женщины перестали рожать. С той поры, каждый появлялся на свет в пробирке, и девять месяцев рос в особой капсуле, наполненной питающим составом. Радости плоти по доброй воле стали просто частью любовной игры, без страха потери, болезни, одиночества... Девочек сразу создавали неспособными к естественному созданию жизни. С той поры всё стало иначе.

Генетика, у истоков нового мира, была объявлена колыбелью почти погибшего человечества. Ей стал подвластен пол новорожденного человека, внешность, черты его характера, способности... Родители ваяли своих детей как скульпторы, только вместо резца у них в руках был набор их генов. Не стало некрасивых, глупых, преступных... Человек стал идеальным. Мир стал идеальным. Так начался Новый Век. Имя того, кто помог спастись, знал всякий. Почти божество, он ухватил тоненькую нить жизни и превратил её в канат, взрастил из крошечного, погибающего семени могучее, негнибаемое дерево. Божество... Ах, если бы ты был сейчас здесь и заставил невыносимые тучи разродиться наконец дождём, и пусть бы дождь этот снёс своим напором всю тоску Максима и душное чувство безысходности, и то лето – прекрасное и проклятое... Но божества давно нет... Как нет и дождя.

Максим встал из-за стола, вернулся в комнату и растянулся на широком, удобном диване. Обычно, он любил лежать на нём и представлять в себе в малейших деталях своё блестящее будущее. Теперь всё стало иначе... Но в тот день, когда Майя подошла к нему, всё казалось безоблачным. Почему он не сказал ей «нет»? Да разве это было возможно? Максим знал, что, вернись всё назад, он всё равно бы согласился. Разве иссохшая земля говорит «нет» долгожданному ливню, или может быть, созревающие плоды молвят благодарному солнцу: «Нет, не согревай нас»? Неизбежность... Максим и не представлял, что так бывает – как хотелось, как неистово мечталось ему... И вот она смотрит на него. И говорит. Всё равно что. Лишь бы... Они станут дублёрами, и через тринадцать месяцев вместе получают Высшую Грамоту! А там... Максим даже не думал, что будет дальше, он просто хотел её сейчас. Желал, требовал! Молодость... Простая, сияющая, бодрая как прорастающий побег, молодость! Они станут дублёрами! Они вместе напишут свои Главные Работы, а это значит, что они всё это время будут вместе. Рядом. Если бы...

Максим вспомнил вкрадчивый, манящий голос Майи... Она сказала, что вместе неудобно, что сначала лучше закончить одну Работу и потом приступить к другой. И та, которая сначала, разумеется, её. Потому что обстоятельства. И время, которое Майе досталось, ближе по хронометрической шкале. И с лабораторным материалом проще, и снаря-

жение легче... Его работа, конечно, нет сомнений, интереснее и глубже. И это понятно, ведь он, Максим, намного талантливее. Ведь тему Главной Работы дают согласно генетической карте, соответственно указанным там уровням интеллекта и одарённости. А он такой замечательный, Максим, и она хочет, чтобы её ничто не отвлекало от его работы. Она хочет быстро разобраться со своей «работкой» и погрузиться в его «Работу»! Отдаться ей вся! И ему отдаться. Она и отдалась. Ему. И Максим вдохновенно дублировал Майю в проекте. Тема на самом деле была простенькая, отстояла всего на сто лет и касалась организации быта. Но это было неважно. Всё было неважно. Кроме тягучего шёлка её волос, пахнущих тем удивительным летом, тёплого бархата её кожи, и её глаз. Разных и сумасшедших.

А потом она сказала «спасибо». И глядела ему в самую душу своим зелёно-голубым безумием. А он чувствовал, как земля растворяется под его ногами и превращается в липкий туман, и он обволакивает его всего. И исчезает в тумане его Майя, изящная, генетически совершенная, зелёно-голубая Майя...

Она представила свою Главную Работу досрочно. И вышла замуж. За другого. И когда он случайно встретил её в парке, она сделала вид, что не узнала его. И уехала на другой материк. Максим сначала ждал. Он, в генетической карте которого указан необычайно высокий уровень интеллекта и логики, он ждал. Чуда. Нелогичного, незапрограмми-

рованного, непредусмотренного. Теперь, пожалуй, уже перестал. Вот и дождя он, наверное, не дожждётся...

Максим лежал и смотрел в потолок, не мигая, пристально. Так пристально, словно он мог разглядеть в нём решение всех своих проблем. Но потолок оставался бел, и исключительно чист, и ничего не сообщал Максиму. До представления Главной Работы оставалось два с половиной месяца. Срок нереальный для её выполнения. Но дело было даже не в этом. Студенческая лицензия на перемещение во времени истекла месяц назад. Согласно постановлению Академии, все исследования к этому моменту должны быть завершены, и студент приступал к описательной части Главной Работы. Так что это конец. Незатейливый такой, но абсолютный, несомненный конец. Все надежды представить Главную Работу как венец своего обучения в Академии Максим потерял где-то между любовью и ожиданием чуда. Всё погибло. Он погиб. Погиб будущий историк-библиограф, человек уважаемый. Представитель престижнейшей профессии. Он хотел быть как отец.

Максим любил отца. Отец был для него не просто тем, кто дал жизнь, он был другом. Таким, который навсегда. Который не предаст. Никогда не исчезнет. Таким, который с интересом, часами способен был слушать Максима и сам рассказывать, рассказывать... Который обнимал. Учил. Сердил. Прощал. Любил. Больше всего на свете Максим хотел никогда не причинить ему боли. Но вот, причинил. Он вспом-

нил глаза отца. Отец не злился, нет. Но лучше бы злился. Такого отчаяния, такого совершенного ужаса Максим никогда в его глазах не видел. В глазах любимых. Одинаковых. Синих. Точно, как у Максима. Так захотели родители. Они же хотели, чтобы сын продолжил дело отца – главы Всемирной Библиотеки, которая была особым сокровищем Нового Века. Когда человечество умирало, цивилизация погибала вместе с ним, всё потеряло цену, и книги служили топливом. Самые редкие из них, хранимые столетиями, существующие в единственном экземпляре превратились для людей в простую бумагу, которая может гореть, а значит, дарить немного тепла. Конечно, сохранились электронные библиотеки, но книга – удивительное проявление способности человека любовно хранить историю и лучшие образчики человеческой мысли, книга почти умерла, последовав за своим создателем. Их осталось всего несколько десятков тысяч во всём новом мире. Найденные, спасённые от гибели и бережно реставрированные, они были помещены в специально построенное здание, где поддерживалась нужная температура и влажность. Всемирная Библиотека. Не просто хранилище. Музей! А в нём книги. Чудом уцелевшие осколки былого. Хранить их – дело великой важности. И Максим мог бы им заниматься. Но он всё испортил, уничтожил, растоптал.

«А дождя, наверное, вообще не бывает...» У двери раздался звонок, расколов размышления Максима о свою острую, звонкую трель. Он медленно встал и пошёл откры-

вать, зная, что там, за дверью, увы, нет хороших новостей. Снова приехал отец. Теперь он был спокоен, но Максиму показалось, что он стал другим. Старше. «Это я сделал его старше» – подумал Максим и волна дикой, свирепой ненависти к себе поднялась и захлестнула его. Отец медленно прошёл через комнату и сел в кресло.

– Давай поговорим, сынок. Максим сделал над собой усилие и взглянул на отца. Где же?.. Где же дождь? – Может, ты хотя бы скажешь мне, как это вышло?

Отец машинально провёл рукой по волосам, как будто хотел стряхнуть что-то невидимое. Этот жест всегда говорил о том, что он сильно волнуется. У Максима тоже была эта привычка. Он был сын своего отца, Максим.

– Я не могу, отец. Он действительно не мог. Слова стояли в горле, сжавшись настолько сильно, что казались камнем. Нет, не камнем – горой. Плотной, огромной. Больше, чем сам Максим.

– Хорошо, сын, – отец помолчал. – Знаешь, я подумал... Я уверен! Ты никогда не причинил бы нам с мамой боли просто так, из прихоти. Ты можешь не говорить, но я понимаю, у тебя была веская причина так поступить.

Он снова посмотрел на Максима. На это раз тот прочёл в глазах отца почти мольбу: «Ну, пожалуйста, только ничего не говори! Я спросил просто так. Всё равно, какая причина. Главное, что она веская».

Максим сжал кулаки. Волна ненависти к себе стала раз-

мером с приличный дом.

– Да, отец. Максим отвернулся к окну. Всегда наступает момент, за которым начинается ложь. Она может быть маленькой или чудовищно большой, произнесённой во зло или во имя добра, но это не имеет значения. Важно только то, что это ложь – не правда. Враньё. И потом будет ещё и ещё. Она, эта ложь, начнёт размножаться как довольная, сытая, породистая крольчиха, ибо это её предназначение – размножаться. Ах, отец! Если бы ты знал, какой ничтожной, почти позорной кажется сейчас, рядом с тобой эта самая причина! Максим вспомнил Майю. Она вдруг показалась ему плоской и тусклой, словно плохо прорисованной. Он неожиданно обнаружил, что помнит только, что у неё разные глаза. А какие?.. «Стёрлась Майя» – с угрюмой иронией подумал Максим

– Давай не будем больше об этом, – с каким-то карикатурным облегчением произнёс отец. – Но вот о другом надо поговорить.

Голос его вдруг стал твёрдым и, как будто, плотным, словно те тучи за окном. Боже, как они могут держать в себе всю эту воду!

– Тебе придётся принять предложение Арины. В голосе отца послышалась грусть, Максиму внезапно стало холодно. Вот оно. Твоё окончательное, истинное фиаско, Максимка! Мало того, что ты не станешь никем. Никем!!! Так ты ещё станешь нарушителем традиций, так заботливо храни-

мых твоей семьёй. Несколько столетий она держала свои бастионы и упорно принадлежала Патриархальной ветви Нового Века. В их семье мужчина выбирал себе женщину, и только он делал ей предложение руки и сердца.

С начала Нового Века мир перестал быть разделён на государства, исчезли понятия «национальность», «нация», смешались между собой культуры, переплелись обычаи. Возвестили об абсолютном равенстве мужчины и женщины, и в подтверждение этому были основаны две ветви: Патриархальная и Матриархальная. Каждая семья могла примкнуть к любой из них, в соответствии со своими убеждениями. Изредка случались браки между ветвями, но, в целом, каждая из них старалась сохранить свою самобытность.

Максим закрыл глаза и, тут же, перед его внутренним взором, неотвратимая, словно меч палача, возникла Арина. Она была яркой дочерью Матриархальной ветви. Уверенная, практичная, дисциплинированная, напористая. Как полагается. Как робот. Максиму порой казалось, что она на самом деле ненастоящая. Нет, она была грациозна, общительна, любезна, образованна... И она тоже была красива. Не как Майя, нет. Другой красотой. Миниатюрная, со снежно-белой кожей, она взирала на мир глазами цвета голубого льда, в которых никогда не мелькало даже слабой тени сомнения. Даже от её волос, схожих с серебром, казалось, исходило морозное облако. Она напоминала Максиму мощную винтовку с оптическим прицелом, о которой он читал в одной из книг

Всемирной библиотеки. Арина тоже была в цель без единого промаха. Как Максим ни старался, он никак не мог её сравнить с чем-нибудь живым, что тёплое и дышит. Поэтому Арина прочно укрепилась в воображении Максима как вещь. Очень сложная, очень полезная, многофункциональная и весьма дорогая. Арина также училась в Академии, но на факультете делопроизводства и финансов. И эта самая Арина положила на Максима свой голубой, сверкающий бриллиантовым блеском глаз. Она ухаживала за ним с настойчивостью минного поисковика (о нём тоже стало известно из книг), методично призналась Максиму в любви и сделала предложение о браке, заставляя его при этом чувствовать себя опоссумом в обществе сильно проголодавшегося удава. Услышав вежливый отказ, обоснованный полнейшим отсутствием любви, белоснежная дева ничуть не смутилась, а сказала, что может подождать, ибо терпение – одна из её многочисленных полезных функций. Такая вот Арина. Совершенное оружие!

Отец уже давно что-то говорил. Максим вынырнул из своих раздумий, словно из неглубокой и мутной лужи.

– Ты же знаешь, сын, перемещения во времени запрещены. Исключения делают только для учёных-историков. И лицензия выдаётся только раз в жизни, если ты ею не воспользовался, ты знаешь, сын, другого шанса не будет. Возможность упущена, а это значит, ты не представишь Главную Работу и не получишь Высшую Грамоту.

Максим опустил в кресло. «Интересно, – вяло подумал он, – Зачем отец говорит то, что мне и так хорошо известно?» Слишком хорошо. Никогда не забудет Новый Век, откуда пришла та беда. Её принесли бродячие люди. Беспризорники. Бомжи. И с тех самых пор, и на все времена, все усилия будут приложены к тому, чтобы каждый был при деле. А если не при деле, так при доме. При твёрдом, несомненном обеспечении. Вот только дела-то у Максима теперь и нет. И заняться ничем другим не получится. По иронии судьбы причиной тому оказалась генетика, которая когда-то спасла всех, подарила надежду и предложила будущее. Человек получил возможность совершенствоваться в своих детях, создавать их, используя самые лучшие свои гены. Но... Но! Человек есть человек. Ведь все хотят быть идеальными, умными, талантливыми и, как следствие, знаменитыми... Так кто же тогда станет выращивать сады, убирать улицы, возводить дома? И Новый Век создал генетические древа. Да, да! Не генеалогические, а генетические древа. Так и повелось: генетические древа учёных, практикующих врачей, учителей, дворников, лётчиков, портных... В каждом древе культивировались лучшие профессиональные качества, и мастерство стало исключительным. Порядок и здоровье. Вот такой идеальный мир, и лишь одно омрачает картину: нет для Максима в этом идеальном мире другого дела! А присмотренным быть он обязан. Максим вдруг отчётливо услышал удары своего сердца. Присмотрен... До-

смотрен... Присмотрен... Досмотрен! Сердце остановилось. Он вдруг понял, что всё. Всё... До конца его жизни, которая сразу показалась жалкой и никчёмной, до конца этой, уже постылой ему жизни, его надсмотрщиком будет Арина!

И в этот самый момент, словно вопль, исторгнутый из могучей глотки великана, грянул дождь. Он хлестнул землю точно всадник, уходящий от погони. Максим вскочил и выбежал на террасу. Отец что-то кричал ему вслед, но он уже не слышал. Дождь был везде. Казалось, он заполнил собой каждую малейшую, долю пространства. Он избивал крыши домов, гнул, яростно срывая листву, деревья, уничтожал воздух. Весь мир стал водой. Вселенная стала водой. Максим стал водой. Он вдруг почувствовал, как его забирает неведомая сила, и будто он сам эта сила и есть. Он как поток, низвергающийся с высоты, ринулся вниз и куда-то вдаль. Всё вдаль и вдаль... Меняясь сам и меняя всё вокруг. Он внезапно понял, что отныне всё будет иначе...

Максим сидел возле стойки бара небольшого уютного кафе, построенного в стиле Старого Века. Родители уехали вчера. Мама плакала, но потом сказала, что ничего, что ж теперь поделать, будем так, потихонечку... А Арина – очень хорошая девочка! И умница и собранная, и может даже и хорошо, что она рядом будет, раз Максим такой... непрактичный. После этих слов она ещё чуточку всплакнула. Но потом улыбнулась. Она не умела долго сокрушаться. Так уж она была генетически задумана своими родителями. Жизнерадост-

ная, лучистая, добрая, светлая и лёгкая. Его мама. Молодец мама! Слово подобрала. Непрактичный. Могла бы просто сказать: бесхарактерный, безалаберный, несобранный... Максим тихо застонал. Что же делать? Он спрашивал и сам себе удивлялся. Ну что тут можно сделать?! Существует закон, давно заведённый порядок. Никто не смеет покушаться на порядок. Он слишком дорого им достался.

Тяжело скрипнула железными петлями входная дверь. Максим поднял голову и призывно махнул рукой. Он улыбнулся. Максим всегда улыбался, когда приходил он. Его друг. Ещё один. Не такой, как отец, но друг. Другой друг. Друга звали просто и незатейливо – Иаков. Его родители обожали христианскую Библию, которая, к счастью, сохранилась, и были без ума от Ветхого Завета. И от евреев. Пожалуй, это сказалось, когда они создавали своего сына, который, в данную минуту, заходил в кафе. Он пробирался между столиков навстречу Максиму и радовался. Иначе сказать было невозможно, стоило только взглянуть на него. Иаков не умел улыбаться. Его радость имела всего две меры: «просто хохотать» и «хохотать до слёз». Вот это самое «хохотать» и называлось улыбкой Иакова. Ну, чем не радостный человек? И – замечательный. Темноволосый, кудрявый, очень воспитанный, немного с хитрецей (а как же – еврей!), он был искренним и внимательным, вежливым и весёлым, умным и чутким. И преданным. Словом, друг. Иаков, улыбаясь в своей обычной манере, а именно хохоча, подошёл

к Максиму и коротко пожал руку.

– Привет, дорогой!

Максим не знал, почему рядом с Иаковом всегда становилось легко. Или легче. Как сейчас. Наверно потому, что друг. Иаков устроился рядом с Максимом и тот предложил ему вина.

– Рассказывай!

Иаков вдруг сделался серьёзным. Это он тоже умел. Он же друг.

– У меня... проблема, – почему-то задумчиво произнёс Максим.

Он не знал, как правильно назвать то, что с ним случилось. Больше подходило слово «катастрофа». Но Максим постеснялся его применить. Как-то не по-мужски...

– И ты наверняка сам её себе устроил, – сказал Иаков.

Он всё знал. Друг не может не знать. И он говорил правду, Максим всё сделал сам. Друзья должны говорить правду.

– Что мне делать?

– Что делать? – брови Иакова удивлённо взлетели вверх. – Жениться на Арине.

– Но я не этого хотел...

– Максим! – в голосе Иакова вдруг послышалась горечь. – Какая теперь разница, чего ты хотел? Будь мужиком! Возьми себя в руки. Я всё понимаю, но.... Куда теперь денешься? А Арина, она... красивая.

Стало заметно, что Иаков напрягается. Ему очень хоте-

лось поддержать Максима, и он изо всех сил старался отыскать в Арине положительные качества. Но их, превосходных и несомненных, было в ней с таким избытком, что Иаков растерялся.

– Майю всё равно не вернёшь, – тихо добавил он.

– Да я совсем не думаю о Майе! – Максиму показалось, что он сказал эти слова слишком громко, и он невольно оглянулся.

– А о ком?!

На лице Иакова читался мужской интерес. У Максима новая подружка?

– Я не о ком не думаю, – Максим посмотрел прямо и, пожалуй, с вызовом. – А только о том, что совсем не люблю Арину, мне даже не о чем с ней говорить! И нет на свете ничего, что нас роднило бы! Как мне жить с ней, Иаков? Как вообще находиться рядом? Как создавать детей? Да. В ней нет изъянов. Но мне ничего и не нравится в ней. Так что же мне захотеть от неё в моём сыне? Или дочери?!

Максим обхватил голову руками, ему показалось, что самообладание может вновь его покинуть. Иаков смотрел на него озадачено. Он очень любил женщин, но к браку относился более прагматично. И он не понимал друга, но ощутил, что Максим говорит о чём-то важном для него, Максима. И что без этого он, Максим, жить не сможет. Иаков точно это почувствовал, ведь он был друг.

– И потом, – Максим обречённо покачал головой, – я про-

сто не готов... Я не хочу... Да, я сам всё испортил, но я мечтал о карьере учёного...

Он просто не знал, что ещё сказать.

– Слушай... – Иаков с интересом посмотрел в пол, словно там происходило нечто значительное. – А кто в Академии знает, что ты не использовал лицензию?

– Никто, – Максим не понимал, куда тот клонит. – Только я и отец. Ещё ты. В поле могу заходить только я, устройство запрограммировано на мой генетический код, а по истечении лицензии просто сгорает батарея.

– Тебе надо написать Главную работу и представить её, – как-то слишком решительно произнёс Иаков.

– Я же сказал, сгорает батарея...

Максим не понимал, о чём это он?

– Хочешь всю жизнь прожить с Ариной?

Иаков бросил колкий взгляд на Максима.

– Не хочу...

– Тебе надо разыскать таймеров, – очень тихо произнёс

Иаков

Нет! Боже... Ужас! О чём они говорят? Максим во все глаза смотрел на Иакова и не мог поверить, что это происходит. Они всерьёз говорят об этом. Об этом! Иаков, должно быть, тоже не верил, но они, всё же, говорили. Об этом... На секунду Максима обуял страх, не простой, а то дикое, первобытное чувство, когда за тобой гонится зверь, и ты бежишь. Знаешь, что не спасёшься, но всё равно бежишь и бежишь.

– Иаков, ты... сошёл с ума?!

– Возможно.

Иаков вздохнул и покрутил стоявший на стойке бара бокал. Вино в нём было красным. «Как кровь...» – подумалось Максиму

– Ты знаешь, я никогда бы так не поступил, – продолжил Иаков. – Но я – не ты! Тебе, Максим, наверное, нужно больше... свободы?

Он посмотрел на Максима долгим внимательным взглядом. Как друг. Максим внезапно ощутил себя так, словно лопнул, стягивающий ему плечи и сдавливающий грудь, широкий и жёсткий ремень. Он глубоко вдохнул и с удивлением понял, что раньше ему совсем не хватало воздуха. Ему так нравилось дышать всей грудью и, казалось, ничего на свете не было слаще. Ему вспомнился дождь, и он снова стал водой. Максим почувствовал, как его несёт с бешеной скоростью. С вершины вниз. И вдаль... Только вода. И воздух... Нет, он уже не остановится. Он не представлял как, но ему на самом деле необходимо найти таймеров!

Максим постарался вспомнить всё, что слышал о них... Таймеры. Погрешность генетического программирования. Результат сложного эксперимента. Люди с абсолютной доминантой интеллекта. Почти шизофреники, но, в отличие от них, давно переставших существовать, на редкость адекватны. Видят то, что не видно другим, слышат то, что не услышит больше никто. Черноглазы, худощавы, угрюмы,

хитры, как лисы и быстры, как время. Они сами и есть время. Каким-то непостижимым образом они способны без временного устройства создать истончённый слой времени и раздвинуть его. Когда Новый Век понял, что таймеры не совсем то, что нужно идеальному миру, их попытались контролировать. Выселили на пустующий остров и установили наблюдение. Но... В один прекрасный день обнаружили, что таймеры... исчезли! Минуя сложную систему слежения, они словно растворились в воздухе, чем вызвали нешуточное беспокойство. Но таймеры никак не проявляли себя, и постепенно волнения улеглись. Таймеров объявили вне закона и, на всякий случай, наложили запрет на общение с ними, ведь они ушли бродить, а значит, представляли опасность для Нового Века. Их продолжали искать, проявляя усердие, но всё напрасно. Уже много лет ни один из таймеров так и не дал себя обнаружить. Но они есть где-то. И они нужны Максиму, необыкновенно нужны! И наплевать, что ему могут быть совсем не рады. Он найдёт их и заставит, уговорит, упросит...

– Как их найти?

Надежда слабым проблеском метнулась в душе Максима. Иакову что-то известно о местонахождении таймеров, ведь неспроста он заговорил об этом.

– Не знаю.

– Не знаешь?!!

Максим во все глаза смотрел на Иакова. Отчаяние! Гнев! Обида. Усталость... Безразличие... Максим не подозревал,

что столько чувств могут разрывать всего лишь долю секунды его, Максима, жизни одновременно, словно голодные детёныши дикого зверя. И вдруг проступила нежность. Она была такая нежданная, эта нежность. Она уютно устроилась где-то внутри Максима и погладила его сердце тёплой рукой. Его друг Иаков... Конечно, он не может ничего знать о таймерах. Он был музыкант, его друг. Музыкант в двадцать первом поколении. Virtuoz. Скрипач. Откуда ему знать? Мастерство Иакова было филигранно, в его руках скрипка превращалась в любое создание, способное звучать, в любое, угодное Иакову. Она могла петь, как влюблённая женщина и тосковать, как брошенный в одиночестве старик, ликовать как победивший в битве воин и стенать, как заблудившаяся птица, она могла плакать и смеяться, скрипка Иакова. А он был её Повелителем. Тираном. Благодетелем. Он был её любовью, этот Иаков. А она была любовью его. Они не могли звучать друг без друга. А вместе они были музыкой. Ну откуда таким знать? Они созданы для красоты, а красоте безразлично, где искать странных людей с черными глазами и умением идти сквозь время... Откуда им знать?

– Подожди! – воскликнул Иаков и крепко схватил Максима за плечо. – Ты должен поехать на остров. Ты должен всё там обыскать! Где-то там есть то, что укрылось от самых опытных искателей. Ты найдёшь это. Ты поймёшь, куда они ушли.

Он по-прежнему держал Максима за руку. Очень крепко.

Так держат только друзья. Даже если они скрипачи.

– Хорошо.

Максим вдруг обхватил Иакова и крепко стиснул. Так обнимаются только мужчины. Как два медведя, которые вот-вот начнут бороться.

– Спасибо тебе! Я поеду, – шепнул он Иакову.

– Ничего не забудь. Возьми всё, что требуется сразу. И помни, – Иаков тоже перешёл на шёпот. – У тебя будет только одна возможность, только один вход и один выход. Сделай больше снимков. Давай, найди их! – Иаков помолчал. – И, пожалуйста, вернись.

Максим медленно пошёл к двери. Ему стало спокойно. Так спокойно бывает смертнику, идущему на казнь, когда всё сопротивление и ярость уже позади, и он просто смирившийся. Иаков смотрел ему вслед. Он был в смятении. Как это вышло? Что за встреча у них получилась? Что он посоветовал своему лучшему другу? Нет... Нет!!! Всё неправильно! Иакову захотелось остановить Максима, но что-то не пустило его. Он никогда так раньше не делал, и... Да! Всё это неправильно, но ему почему-то казалось, что он поступил по-дружески. А если по-дружески, то почему в душе его сейчас столько грусти? В тот вечер его Скрипка печалилась. И это слышали все. Даже Иаков.

– Какие нынче погоды стоят!

Смешной старичок стоял рядом, облокотившись на парапет, и щурился на солнце. «Погоды»! Старичок, наверное, любит Чехова, подумалось Максиму. Был такой писатель Старого века, Антон Чехов. Максиму он тоже нравился, и он читал его и знал, что так говорили, порой, при Чехове – «погоды стоят...». Жаль, что книги Чехова сохранились только в электронном виде. Погода действительно наладилась! Словно и не было огромных, сливовых туч, словно не заливали землю бесконечные потоки ледяного дождя. Светило солнце! Сияло! Сверкало! Царило! Оно вольготно устроилось на синем, упругом небе и милостиво изливало на людей свою благодать. Оно отражалось в большой воде и разбивалось в ней на тысячи зеркальных лучей. Они больно били по глазам, и шустрыми зайчиками бежали по палубе теплохода, на котором плыл Максим. Теплоход был небольшим и белоснежным как чайка. Он, беспечно рассекая морские воды, нёс Максима навстречу неизведанному. И когда тот утром ступил на его палубу, то в ту же минуту понял: всё, назад дороги не будет.

– Путешествуете, молодой человек?

Старичку явно хотелось общения. Он повернулся к Максиму, и тот увидел, что лицо у старичка вовсе не такое морщинистое, как ему показалось сперва. И можно даже сказать, что он не старичок вовсе, а просто очень взрослый.

– Путешествую.

Максиму совсем не хотелось разговаривать, но промолчать он счёл невежливым.

– И далеко путь держите?

Попутчик явно не замечал нежелания Максима беседовать. У него была подтянутая фигура и подвижное лицо, на котором светились любопытством большие карие глаза. Да он далеко не старик. Скорее мужчина среднего возраста.

– Недалеко.

Максим недобро взглянул на собеседника. Ну что за навязчивость! Понятно же, ему не хочется общаться, нет настроения. Мужчина вдруг засмеялся отрывистым, колючим смехом, словно птица прокричала. Максим не любил крики птиц. Ему сразу становилось тревожно, надрывно, будто должно случиться что-то не очень хорошее. Но этот смех показался ему приятным.

– Готов спорить, что вы – Охотник! – весело заявил попутчик.

Мужчина радостно зашуршал ладонями одна о другую, довольный своей догадливостью. И сразу стал похож на мальчишку. «Да ему не больше лет, чем мне...» – удивлённо подумал Максим.

– Какой охотник? – спросил он, забыв о том, что ещё минуту назад не желал беседы.

– Ну как же? – новый знакомый улыбнулся и снова стал старше. – Вы ведь едете на Остров Изгнания?

Максим взглянул ошарашено. Откуда он может знать?

Ведь остров не конечный пункт прибытия теплохода...

– Ну, а туда ездят рабочие и Охотники, – добавил попутчик.

– Что за охотники?! – Максим по-прежнему ничего не понимал

Он знал, что недавно на побережье острова была построена небольшая фабрика по производству бумаги. Со времени исчезновения таймеров прошли десятки лет, и Новому Веку было жаль терять пропадавшую просто так гостеприимную землю. Но почему старик не принял его за рабочего?..

– Охотники. Те, что ищут Неуловимых. Их ещё называют таймерами

Максиму вдруг показалось, что его собеседник устал, таким сонным стало его лицо.

Внезапно стало душно. Воздух словно превратился в вязкое желе, которое упорно отказывалось наполнять лёгкие. Не стало времени. Всё бытие собралось в крошечный комочек, который жался теперь к ногам Максима, как потерявшийся щенок. Наконец, ему удалось вздохнуть.

– Я не Охотник, – слова дались Максиму с большим трудом, и он неожиданно выложил правду. – Но мне нужно их встретить. У меня к ним... дело.

«Дело! Глупое слово. Совсем неподходящее...» – мелькнуло в голове у Максима.

– Вернее, просьба!

Попутчик поднял бровь, отчего лицо его стало ещё более

сонным.

– Это запрещено законом. Вы готовы стать преступником, молодой человек?

Готов? Да он уже преступник! Он уже плывёт на этот остров, чтоб его, и не собирать бабочек. И он уже оставил далеко позади ту черту, за которой всё было иначе. Зачем он вообще разговаривает с этим, совсем не знакомым ему, человеком? А вдруг он враг, вдруг он пойдёт сейчас и сдаст Максима властям? Максим отвернулся и хмуро посмотрел на воду. Счастливую воду, с отражавшимся в ней миллионом маленьких солнц. Когда он поднял голову, то обнаружил, что его собеседник не спеша уходит. Ссутулившись и чуть шаркая ногами. Всё-таки старик... Наваждение!

Остров Изгнания был огромен и величав. И не было в нём ничего мрачного, как и унылого, и ему совсем не подходило его название. Максим прикинул: для того, чтобы обойти его весь, понадобится дней пять. Он смотрел на приближающийся берег. Где-то там его мечта! Где-то там – тайна исчезновения Неуловимых, как назвал их странный попутчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.